

Л. Н.
АНДРЕЕВ

Избранное

Леонид Николаевич Андреев

Набат

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=146671

Аннотация

«В то жаркое и зловещее лето горело все. Горели целые города, села и деревни; лес и поля больше уже не были их охраной: покорно вспыхивал сам беззащитный лес, и красной скатертью расстилался огонь по высохшим лугам. Днем в едком дыму пряталось багровое, тусклое солнце, а по ночам в разных концах неба вспыхивало безмолвное зарево, колебалось в молчаливой фантастической пляске, и странные, смутные тени от людей и деревьев ползали по земле, как неведомые гады. Собаки перестали брехать приветным чаем, издавдала зовущим путника и сулящим ему кров и ласку, а протяжно и жалобно выли, или угрюмо молчали, забившись в подполье. И люди, как собаки, смотрели друг на друга злыми и испуганными глазами и громко говорили о поджогах и таинственных поджигателях...»

Содержание

I	4
II	8
III	12

Леонид Андреев. Набат

Леонид Андреев

Набат

I

В то жаркое и зловещее лето горело все. Горели целые города, села и деревни; лес и поля больше уже не были их охраной: покорно вспыхивал сам беззащитный лес, и красной скатертью расстилался огонь по высохшим лугам. Днем в едком дыму пряталось багровое, тусклое солнце, а по ночам в разных концах неба вспыхивало безмолвное зарево, колебалось в молчаливой фантастической пляске, и странные, смутные тени от людей и деревьев ползали по земле, как неведомые гады. Собаки перестали брехать приветным чаем, издавдалека зовущим путника и сулящим ему кров и ласку, а протяжно и жалобно выли, или угрюмо молчали, забившись в подполье. И люди, как собаки, смотрели друг на друга злыми и испуганными глазами и громко говорили о поджогах и таинственных поджигателях. В одной глухой деревне убили старика, который не мог сказать, куда он идет, а потом бабы плакали над убитым и жалели его седую бороду,

слипшуюся от темной крови.

В то жаркое, зловещее лето я жил в одном помещичьем доме, где было много старых и молодых женщин. Днем мы работали, говорили и мало думали о пожарах, но, когда наступала ночь, нас охватывал страх. Владелец имения часто уезжал в город; тогда мы не спали по целым ночам и пугливым дозором обходили усадьбу, ища поджигателя. Мы прижимались друг к другу и говорили шепотом, а ночь была безмолвна, и темными, чуждыми массами подымались строения. Они казались нам незнакомыми, как будто раньше мы никогда не видели их, и страшно непрочными, точно ожидающими огня и уже готовыми к нему. Раз, в трещине стены, перед нами блеснуло что-то светлое. Это было небо, а мы подумали, что огонь, и женщины с криком бросились ко мне, тогда почти еще мальчику, прося защиты.

...А я сам от испуга перестал дышать и не мог тронуться с места...

Иногда глубокой ночью я вставал с горячей, размятанной постели и через окно вылезал в сад. Это был старый, величественно-угрюмый сад, на самую сильную бурю отвечавший только сдержанным гулом; внизу его было темно и мертвенно-тихо, как на дне пропасти, а сверху стоял неясный шорох и шум, похожий на далекий степенный говор. Прячась от кого-то,

кто по пятам крался за мной и заглядывал через плечо, я пробирался в конец сада, где на высоком валу стоял плетень, а за плетнем далеко вниз разбежались поля, леса и скрытые мраком поселки. Высокие, мрачно-молчаливые липы расступались передо мною, – и между их толстыми черными стволами, в расселины плетня, в просветы между листьями я видел нечто страшное и необыкновенное, от чего беспокойной жутью наполнялось мое сердце и мелкой дрожью подергивались ноги. Я видел небо, но не темное, спокойное небо ночей, а розовое, какого никогда не бывает ни днем ни ночью. Могучие липы стояли серьезно и молчаливо и, как люди, чего-то ждали, а небо неестественно розовело, и багряными судорогами пробегали по небу зловещие отсветы горящей внизу земли. Медленно всплывали и уходили вверх клубящиеся столбы, и в том, что они были так безмолвны, когда внизу все скрежетало, так неторопливы и величавы, когда внизу все металось, – была загадка и та же страшная неестественность, как и в розовой окраске неба.

Точно опомнившись, высокие липы все сразу начинали переговариваться вершинами и так же внезапно умолкали, надолго застывая в угрюмом ожидании. Становилось тихо, как на дне пропасти. Далеко за собой я чувствовал насторожившийся дом, полный ис-

пуганных людей, вокруг меня сторожко толпились липы, а впереди безмолвно колыхалось красно-розовое небо, какого не бывает ни днем, ни ночью.

И оттого, что я видел его не все целиком, а только в просветы между деревьями, становилось еще страшнее и непонятнее.

II

Была ночь, и я беспокойно дремал, когда в мое ухо вошел тупой и отрывистый звук, как будто шедший из-под пола, вошел и застыл в мозгу, как круглый камень. За ним ворвался другой, такой же короткий и тяжелый, и голове сделалось тяжело и больно, словно густыми каплями на нее падал расплавленный свинец. Капли буравили и прожигали мозг; их становилось все больше, и скоро частым дождем отрывистых, стремительных звуков они наполнили мою голову.

– Бам! Бам! Бам! – издалека выбрасывал кто-то высокий, сильный и нетерпеливый.

Я открыл глаза и сразу понял, что это набат и что горит ближайшее село – Слободищи. В комнате было темно и окно закрыто, но от страшного зова она вся, с своей мебелью, картинами и цветами, как будто вышла на улицу, и не чувствовалось ни стен, ни потолка.

Не помню, как я оделся, и не знаю, почему я побежал один, а не с людьми. Или они меня забыли, или я не вспомнил об их существовании. Набат звал настойчиво и глухо, словно не из прозрачного воздуха падали звуки, а выбрасывала их неизмеримая толща земли, и я побежал.

В розовом сиянии неба померкли над головой звез-

ды, и в саду было страшно светло, как не бывает ни днем, ни в царственные лунные ночи, а когда я подбежал к плетню, на меня сквозь просветы взглянуло что-то ярко-красное, бурливое, отчаянно мечущееся. Высокие липы, словно обрызганные кровью, трепетали круглыми листьями и боязливо заворачивали их назад, но голоса их не было слышно за короткими и сильными ударами раскачавшегося колокола. Теперь звуки были ясны и точны и летели с безумной быстротой, как рой раскаленных камней. Они не кружились в воздухе, как голуби тихого вечернего звона, они не расплывались в нем ласкающей волной торжественного благовеста – они летели прямо, как грозные глашатаи бедствия, у которых нет времени оглянуться назад и глаза расширены от ужаса.

– Бам! Бам! Бам! – летели они с неудержимой стремительностью, и сильные обгоняли слабых, и все вместе впились в землю и пронизывали небо.

Так же прямо, как и они, бежал я по большому вспаханному полю, тускло мерцавшему кровавыми отблесками, как чешуя огромного черного зверя. Над моей головой, на страшной высоте, плавно проносились одинокие яркие искры, а впереди был страшный деревенский пожар, в котором в одном костре гибнут дома, животные и люди. Там, за прихотливой линией черных деревьев, то круглых, то острых, как пики,

взвивалось ослепительное пламя, загибалось горделиво шею, как взбесившийся конь, прыгало, отбрасывало от себя в черное небо огненные клочки и хищно нагибалось вниз за новой добычей. В ушах моих шумело от быстрого бега, сердце билось быстро и громко, и, обгоняя его удары, прямо в голову и грудь били меня беспорядочные звуки набата. И было в них так много отчаяния, словно это не медный колокол звучал, а в предсмертных судорогах колотилось сердце самой многострадальной земли.

– Бам! Бам! Бам! – выбрасывало из себя раскаленное пожарище, и трудно было поверить, что эти властные и отчаянные крики издает церковная колокольня, такая маленькая и тонкая, такая спокойная и тихая, как девочка в розовом платье.

Я падал, опираясь руками на комья сухой земли, и они рассыпались под моими руками; я подымался и снова бежал, а навстречу мне бежал огонь и призывные звуки набата. Уже слышно было, как трещит дерево, пожираемое огнем, и разноголосый людской крик с господствующими в нем нотами отчаяния и страха. И, когда стихало змеиное шипение огня, явственно выделялся продолжительный, стонущий звук; то выли бабы и ревела в паническом страхе скотина.

Болото остановило меня. Широкое заросшее боло-

то, далеко бежавшее направо и налево. Я вошел в воду по колена, потом по грудь, но болото засасывало меня, и я вернулся на берег. Напротив, совсем близко, бушевал огонь и выбрасывал в небо тучи золотистых искр, похожих на огненные листья гигантского дерева, в черной рамке камыша и осоки огненными блестящими зеркалами вставала болотная вода, – и набат звал, – отчаянно, в смертельной муке:

– Иди! Иди же!

Я метался по берегу, и сзади меня металась моя черная тень, а когда я нагибался к воде, допытываясь у нее дна, на меня из черной бездны глядел призрак огненного человека, и в искаженных чертах его лица, в разметавшихся волосах, точно приподнятых на голове какой-то страшной силой, – я не мог узнать самого себя.

– Да что же это? Господи! – молил я, протягивая руки.

А набат звал. Колокол уже не молил – он кричал, как человек, стонал и задыхался. Звуки потеряли свою правильность и громоздились друг на друга, быстро, без отзвука, умирая, рождаясь и снова умирая. И опять я наклонился к воде и рядом со своим отражением увидел другой огненный призрак, высокий, прямой и, к ужасу моему, все же похожий на человека.

– Кто это? – воскликнул я, оглядываясь. Возле моего плеча стоял человек и молча смотрел на пожар. Лицо его было бледно, и мокрая, не засохшая еще кровь покрывала щеку и блестела, отражая огонь. Одет он был просто, по-крестьянски. Быть может, он уже находился здесь, когда я прибежал, задержанный, как и я, болотом; быть может, пришел потом, но я не слышал

его прихода и не знал, кто он.

– Горит, – сказал он, не отводя глаз от пожара. В них прыгал отраженный огонь, и они казались большими и стеклянными.

– Кто ты? Откуда? – спросил я. – У тебя кровь.

Длинными, худыми пальцами он коснулся щеки, посмотрел на них и снова уставился на огонь.

– Горит, – повторил он, не обращая на меня внимания. – Все горит.

– Ты не знаешь, как пройти туда? – спрашивал я, отодвигаясь: я догадывался, что это один из сумасшедших, которых много породило то злое лето.

– Горит, – ответил он. – Ого-го-го! Горит, – закричал он и засмеялся, ласково глядя на меня и раскачивая головой. Участвовавший набат внезапно смолк, и громче затрещало пламя. Оно двигалось, как живое, и длинными руками, словно в истоме, тянулось к умолкнувшей колокольне. Теперь, вблизи, она казалась высокой, и вместо розового на ней было уже красное платье. Наверху темного отверстия, где находились колокола, показался робкий и спокойный огонек, похожий на пламя свечи, и бледным лучом отразился на их медных боках. И снова затрепетал колокол, посылая последние, безумно-отчаянные крики, и я снова заметался по берегу, а за мной металась моя черная тень.

– Я пойду! Пойду! – отвечал я кому-то, звавшему меня. А высокий человек спокойно сидел сзади меня, охватив руками колена, и громко пел, вторя колоколу:

– Бам!.. Бам!.. Бам!..

– Ты с ума сошел! – кричал я на него, а он пел все громче и веселее:

– Бам!.. Бам!.. Бам!..

– Замолчи! – умолял я.

А он улыбался и пел, раскачивая головой, и в стеклянных глазах его разгорался огонь. Он был страшнее пожара, этот безумный, и, повернувшись, я бросился бежать вдоль берега. Но не сделал я нескольких шагов, как рядом со мной бесшумно выросла его длинная фигура в развевающейся рубашке. Он бежал молча, как и я, длинными, не знающими устали шагами, и молча бежали по изрытому полю наши черные тени.

В предсмертных муках задыхался колокол и кричал, как человек, который не ждет уже помощи и для которого уже нет надежды. И молча бежали мы куда-то во тьму, и возле нас насмешливо прыгали наши черные тени.

Ноябрь 1901 г.